

«Между собакой и волком»

«Иваны»

«Не Гамлет»

«Пьеса, которой нет»

Театр шьется из большого количества разных реальностей. Из их трения, соотношения. Мне приятно работать в Александринке потому, что там все очень внятно, есть очевидная реальность, в которую можно встраиваться, а можно взрывать. Невозможно работать вне контекста: театр — очень конкретная материя.

У вас лично театр с жизнью в каких отношениях находится?

Тоже в сложных. И я хотел бы эту ситуацию разрешить, но пока не получается. Мы для этого фестиваль сейчас и делаем. Иногда нужно организовать войну, чтобы решить мелкую проблему.

Фланировать между театром и жизнью — это ведь любимое занятие петербургского авангарда 1980-х. Взять то же Derevo Адашинского.

Пять-шесть лет перед рождением «Формального театра» мы тоже вели сектантское существование. Это было что-то утробное, до-театральное, напоминавшее скорее психоаналитическую группу. Для методологических разработок это был крайне полезный этап, но впоследствии

«ПОСЛЕ РАЗРУШЕНИЯ МОЖЕТ ВОЗНИКНУТЬ НЕ ПУСТОТА, А ЧИСТОТА»

он стал лишь почвой, на которую мы опирались при поиске в совершенно другом эстетическом направлении.

Ваши герои как раз обычно лишены почвы. Вы сами в этом мире на что опираетесь?

Стараюсь на «тот» мир. Его существование — единственный повод понять «этот».

Что это еще за «тот» мир?

Мы о нем можем только догадываться, но это единственная точка отсчета для всех нас. Устройство «этого» мира меня страшно раздражает.

В ваших спектаклях реальность всегда существовала как хаос. Это же есть и в последних работах, но в восприятии распада появилась гармония.

Я ее искал с первого дня работы в театре. Я все время пытаюсь сценически проартикулировать тезу Анатолия Васильева

из его статьи про «Поп-механику» Курехина: после разрушения может возникнуть не пустота, а чистота. Это было сказано как раз в момент рождения «Формального театра».

Существует ли что-то, что объединяет «Формальный театр» двадцатилетней давности и сегодняшний?

Свобода.

При этом с каждым годом ваши спектакли производят впечатление все более и более жестко организованных.

Тот же «Изотов» казался мне движением к свободе — там ведь артисты импровизируют процентов на пятьдесят, хотя чисто визуально и структурно все, конечно, сочинено жестко. Особенно в сравнении с тем, с чего я начинал. В моем первом спектакле в до-«формальные» времена, «Жили были» (о нем мало кто знает),

был набор русских сказок, которые артисты могли играть в любом порядке. Сами сказки были относительно «сделаны», но каждый раз спектакль получался разный. Я начинал с плавающих мизансцен, с отсутствия всяческой структуры. Тогда меня все это страшно интересовало — не без влияния того же Васильева, который на тот момент исповедовал импровизацию в театре. Но путь от импровизации к конструкции в любом случае неизбежен. Сегодня мне более интересен переход импровизации в какие-то другие области. А то, что я делал двадцать лет назад, совершенно неинтересно.

С чего начался «Формальный театр», известно. А вот что к этому привело студента ЛИАПа?

Тема физиков-лириков на излете успеха нас зацепила. Я был любителем-театралом. Иногда умудрялся смотреть два-три спектакля в день. В этом был элемент игры: нужно было достать билеты, их нигде не было. Помню, если мы ехали на «Владимирскую», билеты начинали стрелять уже на «Чернышевской». Театр был настоль-